

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/CVZQQI>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ» А. БЛОКА: ОТ СЛУЖЕБНОГО ЗАДАНИЯ К ОЧЕРКУ

© 2026 г. А.С. Александров
*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*
Дата поступления статьи: 22 февраля 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 30 марта 2025 г.
Дата публикации: 25 сентября 2026 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-480-499>

Аннотация: В настоящей статье рассмотрен ряд вопросов, связанных с историей создания очерка А. Блока «Последние дни императорской власти», явившегося результатом служебной деятельности поэта в Чрезвычайной следственной комиссии. На широком источниковедческом материале (записные книжки, дневник, письма, протоколы заседаний) установлены этапы подготовки Отчета Учредительному собранию, описано отношение Блока к этой деятельности. В работе прослежена непосредственная связь работы над отчетом ЧСК с очерком «Последние дни императорской власти». Сопоставлены сохранившиеся планы к Отчету с содержанием очерка, выявлена схожесть этих работ. В ходе анализа ряда документов из архива Блока удалось уточнить время сбора материалов для Отчета Учредительному собранию, вошедших впоследствии в очерк «Последние дни императорской власти». В работе представлены документы из архива Блока, в том числе ранее не публиковавшиеся архивные материалы из Рукописного отдела Пушкинского Дома.

Ключевые слова: А.А. Блок, Чрезвычайная следственная комиссия, революция, очерк, служебная деятельность

Информация об авторе: Александр Сергеевич Александров — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

E-mail: aspiros.83@mail.ru

Для цитирования: Александров А.С. «Последние дни императорской власти» А. Блока: от служебного задания к очерку // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 3. С. 480–499. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-480-499>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 3, 2026

THE LAST DAYS OF IMPERIAL POWER BY A. BLOK: FROM A SERVICE ASSIGNMENT TO AN ESSAY

© 2026. Alexandr S. Alexandrov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Received: February 22, 2025

Approved after reviewing: March 30, 2025

Date of publication: September 25, 2026

Abstract: This article examines a number of issues related to the history of the creation of A. Blok's essay *The Last Days of Imperial Power*, which was the result of the poet's service in the Extraordinary Investigative Commission (EIC). Based on extensive source material (notebooks, diary, letters, meeting minutes), the stages of preparing *the Report to the Constituent Assembly* are established, and Blok's attitude to this activity is described. The work traces the direct connection between the work on the EIC report and the essay *The Last Days of Imperial Power*. The surviving plans for *the Report* are compared with the content of the essay, and the similarities between these works are revealed. In the course of analyzing a number of documents from Blok's archive, it was possible to clarify the time of collection of materials for *the Report to the Constituent Assembly*, which were later included in the essay *The Last Days of Imperial Power*. The work presents documents from Blok's archive, including previously unpublished archival materials from the Manuscript Department of the Pushkin House.

Keywords: A.A. Blok, Extraordinary Investigative Commission, revolution, essay, official activity

Information about the author: Alexandr S. Alexandrov, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.
<https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

E-mail: aspiros.83@mail.ru

For citation: Alexandrov, A.S. "The Last Days of Imperial Power by A. Blok: from a Service Assignment to an Essay." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 3, 2026, pp. 480–499. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-480-499>

Одним из важных вопросов, связанных с изучением труда А. Блока «Последние дни императорской власти»¹, является проблема демаркации — проведения условной разделяющей границы между непосредственно служебной деятельностью в Чрезвычайной следственной комиссии (далее — ЧСК), в рамках которой эта работа создавалась (написание глав Отчета Учредительному собранию), и непосредственно авторским замыслом и его реализацией в основном тексте очерка, опубликованного сначала в усеченном виде (без Приложений) в журнале «Былое» и затем вышедшего отдельной книгой в издательстве «Алконост». Этот вопрос ставился в работах исследователей, обращавшихся к изучению очерка Блока. Так, Е.В. Иванова в своей монографии, посвященной последним годам жизни Блока, отметила, что «будущий очерк складывался еще в ходе работы Комиссии» [4, с. 78] и был непосредственно связан с подготовкой итогового отчета для Учредительного собрания. З.И. Перегудова, подготовившая совместно с С.С. Лесневским переиздание «Последних дней императорской власти», в специальной статье отметила, что «после прекращения работы Комиссии Блок с еще большим интересом начинает разрабатывать тему, которая касалась последних дней старого режима», и, не связанный обязательствами, «меняет свой первоначальный замысел» [5, с. 357]².

1 Впервые работа Блока была опубликована в журнале «Былое» (1919 [1920]. № 15. С. 3–50) [8] без Приложений, под заглавием «Последние дни старого режима» за подписью «Александр Блок»; в полном отдельном издании после заглавия «Последние дни императорской власти» авторство снято: «по неизданным документам составил Александр Блок» (Пб.: Алконост, 1921. 168 с.) [10]. Далее эти разночтения не оговариваются.

2 См. также статью Е.И. Гончаровой «Летописец последних дней императорской власти: (Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия)» [3].

В чем состоял изначальный замысел Блока, как он трансформировался в основном тексте очерка, где проходит рубеж между служебным заданием, в рамках которого изначально действовал поэт, и его собственной авторской инициативой, когда возник замысел создания очерка, — эти чрезвычайно важные и сложные вопросы будут в центре настоящей работы. К сожалению, вынуждены признать, что в ряде ответов на поставленные вопросы мы остаемся в области гипотез и предположений за неимением объективных данных: записные книжки, которые потенциально могли бы прояснить ряд поставленных нами вопросов, были сожжены поэтом, а имеющиеся дневниковые записи не затрагивают эту деятельность, с 20 октября 1917 г. по 3 января 1918 г. — отсутствуют.

Вопрос об отчете ЧСК как итоговом документе был утвержден практически сразу после образования Комиссии. В положении о ней, опубликованном 12 марта 1917 г., сообщалось, что результатом деятельности должны стать «акты окончательного расследования», которые «Комиссия представляет со своим письменным о дальнейшем направлении дела заключением генерал-прокурору для доклада Временному правительству» [12]. Впоследствии было сделано важное уточнение: итоги работы ЧСК планировалось представить не Временному правительству, а Всероссийскому учредительному собранию, изначально намеченному на 30 сентября 1917 г.

В первые месяцы работы Комиссии (март-апрель 1917 г.) производились интенсивные дознания заключенных, многочисленные следственные части вели расследования «противоправных действий» отдельных должностных лиц, шли допросы, связанные с резонансными событиями начала XX в.: «делом Бейлиса», «Ленским расстрелом» и пр.

В сложной структуре ЧСК специальная Редакционная комиссия по составлению Отчета появилась 18 мая [5, с. 346]. В записных книжках Блока информация о первых обсуждениях итогового документа появилась 25 мая: «Утром в Зимн<ем> дв<орце> обсуждали мы составление отчета о деят<ельности> Комиссии (предварит<ельное> совещание)»³. В письме к матери от 26 мая 1917 г. он добавлял: «Я приму участие в составлении отче-

3 ЗК₄₉, Л. 31 об. Здесь и далее Записные книжки Блока цитируем по первоисточнику (ЗК₄₉ — ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 361, ЗК₅₀ — Там же. Ед. хр. 361; ЗК₅₂ — Там же. Ед. хр. 362) с указанием принятого в ПССиП условного сокращения и листа единицы хранения при цитате.

та, т. е. мне будет поручено написать какую-нибудь часть. Муравьев предлагает характеристики всех» [14, с. 368]. Фактически этот тематический узел, предложенный Блоку председателем ЧСК еще в конце мая 1917 г., так и закрепит за ним. В июне-июле в комиссиях и подкомиссиях шел интенсивный обмен мнениями о форме и структуре отчета. По-видимому, накануне одного из совещаний по выработке итогового документа Блок, размышляя о его содержании, сделал запись в своем дневнике: «В отчете Комиссии следует обойтись без анекдотов; но использовать тот богатый *литературный* материал, который дают именно стенограммы» [7, с. 218]. 20 июня в узком кругу (С.В. Иванов, П.С. Тагер и Блок) состоялось камерное совещание, зафиксированное в дневнике поэта: «Г-н Тагер пространно излагал дело, в курс которого он несколько вошел. Я осторожно успел сказать только, что отчет должен быть проникнут революцией⁴ (С.В. Иванов согласился быстро), успел предложить редакторов (литераторов) и намекнул, что бумажка г. Тагера не план, а конспект (г. Тагер тоже сдался). <...> Комиссия будет редакционная, под председательством С.В. Иванова. Секретарем будет, к счастью, г. Лесневский (он аккуратен, по крайней мере). <...> Мы будем заниматься и отчетом, и выработкой плана издания»⁵. По результатам этого заседания Блок вновь отметил: «В отчете мне, по-видимому, предстоит дать характеристику министров» [7, с. 220].

На одном из ключевых заседаний, состоявшемся 21 июня, было принято решение о том, что «отчет не должен быть сведен к изложению лишь тех “криминальных выводов”, к которым пришла Комиссия», а «должен

4 Ср. запись в ЗК₉₀: «Комиссия в самом определении своем носит понятие чрезвычайности. Потому и отчет ее должен быть чрезвычайным. Он должен соединить в себе деловую точку зрения с революционным призывом. Отчет, пользующийся тщательно проверенным материалом, добытым в течение работы Комиссии, должен быть проникнут весь, с начала до конца, русским революционным пафосом, который отражал бы в себе всю тревогу, все надежды и весь величавый романтизм наших дней. Простым “деловым” отчетом Комиссия не отчитается перед народом, который ждет от всякого нового Революционного учреждения новых слов. Нельзя забывать, что Демократия опоясана // бурей. Для того чтобы [обсудить] выработать план работы в свете такого революционного пафоса, следует призвать писателей, ближ<айшим> обр<азом> — редакторов Чр<езвычайной> сл<едственной> к<омиссии>» (Л. 51–51 об.).

5 Как отмечает З.И. Перегудова, «из состава отчетной комиссии, руководителем которой несколько позже будет назначен Е. Тарле, выделяется редакционная комиссия, которая должна непосредственно просматривать подготовленный материал» [5, с. 348]. В состав этой комиссии вошли С.Ф. Ольденбург, П.С. Тагер, Е.Я. Черномордик и Блок.

быть политическим и дать документальную характеристику старого порядка»⁶. В этом же заседании упоминался срок, к которому работа над итоговым документом должна быть завершена, — это конец августа, сентябрь отводился на предпечатную подготовку и типографию. В заседании особо была подчеркнута сложность поставленной задачи: намеченные масштабы и крайне ограниченные сроки (которые впоследствии постоянно сдвигались), при том, что следствие по многим делам было еще не завершено и интенсивно шли допросы свидетелей и арестантов Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. По результатам этого заседания было принято решение, в котором подчеркивалось, что Отчет должен представлять собой не историческую работу, но «доклад, распадающийся на две части»: «1) материалы к докладу, 2) доклад в тесном смысле этого слова. В том (или томы), посвященный материалам, должны войти: 1) постановления следователей о привлечении, 2) все интереснейшие документы, коими Комиссия будет располагать, 3) готовые очерки по отдельным вопросам и т. д.»⁷ В протоколе этого заседания пояснялось, что доклад должен представлять собой короткий сравнительно очерк, «выявляющий то самое яркое в политическом отношении, что нашла Комиссия, составленный главным образом по заключенным следственным производствам»⁸. Блок присутствовал на июньских заседаниях, находил их «бестолковыми», скептически смотрел на все обсуждения, считая, что в итоге «ничего не выйдет» [7, с. 220]. На свою роль в подготовке итогового документа смотрел неопределенно: «Тысяча комбинаций мешает мне найти свое отношение к отчету, который поворачивается, по-видимому, совершенно не так, как мне брезжит» [7, с. 220]. Реакция Блока на первые заседания по составлению отчета сохранилась в письме к матери от 23 июня: «Из этих дней только один был интересный <...>. В остальные я бессмысленно тратил время на заседаниях во дворце по поводу отчета, в котором я, предполагается, буду принимать участие, что я плохо себе представляю. Состав нашей редакционной комиссии мешает ясности моих собственных соображений, и все пока поворачивается так, что я зря трачу нервы и время» [14, с. 379–380].

6 Журнал заседания Подкомиссии по составлению отчета 21 июня 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–2.

7 Там же.

8 Там же.

Еще одно большое заседание по обсуждению принципов будущего отчета состоялось 4 июля 1917 г. под председательством Н.К. Муравьева. Председатель ЧСК вновь подчеркнул, что «доклад Учредительному собранию должен представлять собою сводку политическую и криминальную, на основе тех материалов, коими располагает Комиссия. В доклад должны войти судебные материалы, которые надо осветить политической точкой зрения, включив в доклад характеристики наиболее выдающихся деятелей старого порядка, выдающиеся не в смысле их индивидуальности, а в смысле их деятельности»⁹. В ходе заседания, согласно протоколу, состоялся обмен мнениями; свои взгляды на итоговый документ высказали С.В. Иванов, С.Ф. Ольденбург, В.А. Жданов, П.С. Тагер, Н.И. Идельсон, А.С. Тагер, Е.Я. Черномордик, С.А. Гуревич. Муравьев, резюмируя прения, подчеркнул, что «с предварительным обсуждением доклада, его сущности надо покончить»¹⁰. По результатам совещания редакционной коллегии предлагалось выработать конкретную форму отчета, план и произвести распределение работ между отдельными сотрудниками. При всем недовольстве Блока заседаниями, посвященными отчету, у него определенно сложилось свое представление о форме и содержании итогового документа. Свою позицию он высказал на одном из заседаний, о чем сообщал матери 7 июля 1917 г.: «Хотя мою точку зрения признали “аристократической”, тем не менее сказали, что для нее будет найдено применение в моей области (я излагал проекты отчета Учред<ительному> собранию)» [14, с. 285]. 8 июля он сделал пространную запись в дневнике, свидетельствующую о напряженном обдумывании Отчета и его формы: «Что мыслится прежде всего, когда думаешь о докладе высокого государственного учреждения — Следственной комиссии, долженствующей вынести приговор старому 300-летнему режиму, — учреждению еще более высокому — Учредительному собранию нового режима? Мыслится русская речь, немногословная, спокойная, важная, веская, памятная, — и соответствующее издание Государственной типографии. <...> Такую речь поймет народ <...>» [7, с. 227–228].

9 Протокол заседания по обсуждению основных принципов, по коим должен быть составлен доклад ЧСК Учредительному собранию от 4 июля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

10 Там же. Л. 69.

Во второй половине июля работа по отчету в комиссиях начала принимать все более определенный и внятный характер. От абстрактных рассуждений о структуре и темах отчета члены ЧСК приступили к непосредственной работе — распределению конкретных глав и разделов доклада.

В архиве Блока сохранился протокол заседания ЧСК от 21 июля 1917 г., в результате которого было принято решение выделить Редакционную комиссию по составлению отчета в лице Председателя С.Ф. Ольденбурга и членов: С.В. Иванова, П.Е. Щеголева, В.А. Жданова, А.С. Тагера, П.С. Тагера, Е.Я. Черномордика, М.П. Миклашевского, Л.Я. Гуревич и А.А. Блока. Также было принято решение пригласить в комиссию Е.В. Тарле — впоследствии он станет главным редактором отчета ЧСК Учредительному собранию. После ухода С.Ф. Ольденбурга с 24 июля 1917 г. на должность Министра народного просвещения Временного правительства на некоторое время возглавит Редакционную комиссию.

На этом же заседании речь зашла о распределении отдельных частей отчета. Так Н.И. Идельсону предстояло писать о Б.В. Штюрмере, А.С. Тагеру — о Т.Г. Щегловитове, П.С. Тагеру — о Н.А. Маклакове, М.П. Миклашевскому — о И.Л. Горемыкине и А.А. Макарове, Е.В. Тарле — о С.Е. Крыжановском (с пометой «предположительно») и т. д. На заседании были распределены и другие разделы планируемого отчета: П.Е. Щеголеву предлагалось осветить деятельность Департамента полиции, Е.Я. Черномордику — перлюстрацию и меры против печати (в том числе — военную цензуру), С.Я. Гуревичу — рептильный фонд, профессору И.М. Громогласову — церковь. Остались и нераспределенные темы, для большинства из них были намечены авторы¹¹.

Именно на этом заседании определилось первое служебное задание Блока — написать очерк о Протопопове. В дневнике 21 июля 1917 г. он записал: «Днем началось наше заседание об отчете <...>. Ольденбург и председатель сказали мне несколько любезностей, и я принужден согласиться попробовать писать очерк о Протопопове. Муравьев сказал, что будет мне помогать. По-моему, по-прежнему нет плана; что будет из ряда очерков, я не представляю. Почему это отчет? Но материал интересен, и я испытаю силы над Протопоповым» [7, с. 286].

11 См.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 24. Л. 1–1 об.

По-видимому, в двадцатых числах июля с приходом в комиссию Е.В. Тарле отчет приобрел окончательную структуру, был разработан окончательный план, еще один раздел которого был поручен Блоку. 1 августа 1917 г. он записал в дневнике: «Я, по-видимому, беру, кроме “Протопопова”, “Последние дни старого режима”» [7, с. 293]. Ранее нами установлено, что раздел о Протопопове, считавшийся исследователями ненаписанным¹², все-таки был подготовлен поэтом и вошел в финал Первой главы «Последних дней императорской власти» [1, с. 432–451].

В какую же часть очерка включена глава «Последние дни старого режима», порученная поэту в рамках служебного задания редакционной комиссией ЧСК? И каков ее состав? Важно оговориться, что эти две работы (очерк и глава), имеющие одинаковые заглавия (первоначально очерк вышел под заглавием «Последние дни старого режима»), не тождественны. Основными источниками, проясняющими поставленные вопросы, являются документы из архива Блока и главным образом черновой автограф (далее — ЧА) очерка «Последних дней императорской власти».

Как и в случае с разделом о Протопопове, к главе отчета «Последние дни старого режима» сохранилось несколько вариантов плана, по которым мы со всей определенностью можем судить и о содержании этого раздела, и о его временных рамках. Согласно плану от 19 августа 1917 г. в главе отчета «Последние месяцы <так!> старого режима», «обнимающей время с 1 ноября 1916 года по 27 февраля 1917 года», планировалось осветить работу «Государственной думы и Государственного совета», изложить деятельность «придворных и правых партий, кружков и отдельных лиц». В тезисах также обозначены темы: «Убийство Распутина», «Обстоятельства отставки Штюмера, Трепова, Бобринского, Макарова, Шуваева, Игнатьева, Оболенского». Предполагалось также осветить работу Совета министров и министерств. Заканчивается план двумя тезисами: «Судьба ведомства здравоохранения (Рейн)» и «Февральские дни». В примечании к плану сказано, что «деятельность Протопопова должна быть предметом особой главы» [9, с. 286–287].

Фактически все эти тезисы нашли отражение в первой главе очерка *ПДИВ*. Достаточно сравнить этот план с аббреже — перечнем основных тем, помещенных перед текстом первой главы после заголовка, — чтобы сделать

12 См., например, комментарий В.Н. Орлова к Дневнику Блока: [11, с. 502].

выводы об их большой схожести: «Болезнь государственного тела России. — Царь, императрица, Вырубова, Распутин. — Великие князья. — Двор. — Кружки: Бадмаев, Андронников и Манасевич-Мануйлов. — Правые. — Правительство; Совет министров; Штюмер, Трепов и Голицын. — Отношение правительства к Думе. — Гр. Игнатьев и Покровский. — Беляев. — Н. Махлаков и Белецкий. — Протопопов» [9, с. 5].

Акцентируем внимание на периоде, обозначенном в плане главы, — с 1 ноября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. Среди подготовительных материалов в архиве Блока сохранилась «общественно-политическая хронология», на основе газетных сообщений, охватывающая период с сентября 1916 г. по 26 февраля 1917 г., озаглавленная «Сводка событий». На этот документ неоднократно обращали внимание исследователи, в переиздании очерка он опубликован и сопровождается обстоятельной статьей [6, с. 366–372]. И план, составленный 19 августа 1917 г., и «Сводка событий» обрываются на последних числах февраля, в то время как очерк «Последние дни императорской власти» доведен до 8 марта 1917 г.

В ЧА очерка (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 212) на одном из оборотов первой главы сохранился тезисный план, который схож с планом от 19 августа 1917 г. к главе отчета, однако представленные здесь пункты более конкретизированы и детализированы. Этот документ, являющийся тезисным планом первой главы, ранее не публиковался, приведем его полностью¹³.

[Печать — Амфитеатров, Бурцев]

Общее положение к 1 ноября 1916 г.

Царская семья и двор. Участие императрицы. Кружки, и отдельные люди, влияющие на верховную власть. Военное положение. Отношение к законодательным учреждениям. Положение дел в ведомствах.

Чтобы это составить, нужна сводка по группам.

Законотворительные учреждения (Совет и Дума)

Балашов, В. Бобринский, Бубликов (?), Голубев, **Горемыкин**, Годнев, Гримм, Дейтрих, Дитмар, думские комиссии, совещание Советов

¹³ <Тезисы к Главе I очерка> // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 18 об. Фамилии, выделенные полужирным шрифтом, — подчеркнуты Блоком красным карандашом; курсивом — вписаны красным карандашом.

рейш<ин>, созыв и роспуск, 87 ст<атья>, законы, законопроект, В. Н. Львов, к<онституционные>-д<емократы>, трудовики, окт<ябристы>, с<оциалисты>-д<емократы>, с<оциалисты>-р<еволюционеры>, Керенский, **Крыжановский**, Куломзин, Голубев, Левашов, В. Маклак<ов>, **Н. Маклаков, Марк<ов> II**, Меллер-Заком<ельский>, Мерший, **Милюков**, Нейдгард, Некрасов, Олсуфьев, Прогресс<ивный> блок, Пуриш<кевич>, Пьяных, Ржевский, Родз<янка>, Родичев, Самарин, Скобелев, Стишинский, Е. Трубецкой, **Чхеидзе**, Чхенкели, Шингарев, Ширинский-Шихматов, Шульгин, **Щегловитов**.

Царская семья, двор. Кружки и темные полит<ические> дела. Распутин, **Вырубова, Андроников**, Васильчиков, **Восейков**, Кауфм<ан>-Туркест<анский>, **Манасевич**, Никол<ай> Никол<аевич>, немцы, Сухомлинов, Рубиншт<ейн> и Вольфзон, сахарозаводчики, Ставка, Северопомощь, **Фредерикс**, кн<язь> Юсупов, царь, царица, их дети, **Н. И. Иванов, Спиридович, Бадмаев, Дубенский, Белецкий**.

Правые: Дубровин, Левашов.

Мин<истр> вн<утренних> д<ел> **Прот<опоп>ов**, Амфитеатров, Анциферов, аресты, Балк, Бальц, **Белецкий, Волконский**, высылки, Гурлянд, евреи, забаст<овки>, заводы, Катенин, Ключарев, **Комиссаров**, Комиссия о настроении петерб<ургских> рабочих, кооперация, Куколь-Ясн<опольский>, **Курлов**, Мрозовский, Муратов, Оболенский, печать, полиция, рабочее, Рачковский, Удинцов, **Хабалов**, Хрусталева-Носарь, цензура, Шебеко, штрафы, Пильц, *Плеве, Рейнбот*.

М<инистерство>во з<емледелия>, Грудистов, Риттих, Бобринский, *Наумов*.

Война, Брусилов, беженцы, **Беляев**, Григорович, Гурко, Рузский, Шувалов.

М<инистерст>во здравоохран<ения>, **Рейн**.

Мин<истерство> юст<иции>, **Вережкин, Добровольский, Макаров, А. А. Хвостов, Щегловитов**.

Мин<истерство> пут<ей> сообщ<ения> – жел<езные> дороги, Криг<ер>-Войновский

Церковь Варнава, Владимир, Волжин, Восторгов, Гермоген, Жевахов, Зайончковский, Макарий, Мардарий, Питирим, Раев.

Дворяне — Базилевский

Обществ^{енные} организ^{ации}. Военно-пром^{ышленный} комит^{ет} и **Гучков**, Земгор, Земск^{ий} союз, Грузинов (?), Г. Е. Львов, **Челноков** и Моск^{овская} гор^{одская} дума, Петр^{оградская} гор^{одская} дума, Рябушинский, Союз городов, Терещенко.

Сов^{ет} Министров, **Голицын**, Трепов, **Штюмер**, *Лодыженский*.

Верх^{овный} совет

Нар^{одное} просв^{ещение} Грабовский, **Игнатьев**, Шевяков, Кульчицкий.

Продовольствие. Громан, Струве, мясо, сахар, твердые цены, топливо, хлеб, центроуголь, Шаховской.

М^{инистерство} фин^{ансов}, Барк, займы

Мин^{истерство} ин^{остранных} дел: Неверов (?), **Нератов**, **Покровский**, **Сазонов**, **Штюмер**.

Гос^{ударственный} контр^{оль}, Феодосьев

Велел^{ольский} Польша? Финляндия? Совец^{ания} специал^{ьные}, общие междуведомст^{венные}, Съезды, **Бурцев**, Татьян^{инский} комитет, Шептицкий.

В этом документе обращают на себя внимание графические акценты — подчеркнутые и вписанные фамилии. По-видимому, пометы и записи красным карандашом сделаны уже после написания первой главы, и Блок таким образом выделил то, что ему удалось отразить в очерке. Очевидно, многое из того, что было запланировано, не вошло ни в первую, ни в другие главы. Например, согласно тезисам, изначально планировалось осветить деятельность накануне революции важного общественного института — церкви, отсутствует характеристика ряда государственных лиц. Отметим, что анализ чернового автографа свидетельствует об отказе автора от некоторых деталей, которые должны были войти в текст. Так, в первой главе в ЧА на л. 18 (заполненном на одну треть) оставлено место, на полях справа сделана запись карандашом: «Рейн? Риттих, Кригер-Войн^{овский}», Кульчицкий, Барк, Григорович, Федосеев, Раев», — впоследствии зачеркнутая. Очевидно, оставленное на листе пространство предназначалось для информации об упомянутых лицах, однако так и осталось незаполненным.

Черновой автограф — важное свидетельство напряженной работы Блока над очерком. Обращают на себя внимание исправления именно в

первой главе — это сложная многослойная правка красным, синим, зеленым, простым карандашами и чернилами. Подчеркнем, что правка во второй и третьей главе не сопоставима с исправлениями в первой части.

Отметим также, что автограф вложен в папку, на которой сделана запись рукой Блока: «“Последние дни старого режима” (рукопись — содержание + стр. 53 + 66 + Приложения (I–VII)). <...> Окончена и послана С. Ф. Ольденбургу 3 IV (21 III) 1918. Взята обратно для исправл<ения> по указ<аниям> С. Ф. О<льденбурга> 8 IV (большая часть красным карандашом в первой части)».

Обращает на себя внимание тот факт, что Ольденбург, ознакомившийся с очерком Блока, сделал замечания лишь к первой главе, что также является свидетельством особого интереса именно к этой части работы.

Отмеченные нами данные свидетельствуют о том, что разделы Отчета Учредительному собранию, которые были поручены Блоку, вошли преимущественно в первую главу очерка. Отметим, однако, что содержание раздела отчета «Последние дни старого режима», к работе над которым Блок приступил в августе 1917 г., впоследствии несколько уточнилось и детализировалось.

В архиве поэта сохранился документ (отрывок без заглавия), представляющий детальный план отчета с указанием глав и источников для их написания. Документ содержит пометы Блока, свидетельствующие о том, что он работал с ним. Порученная Блоку работа обозначена следующим образом:

V. Власть в последние дни старого режима.

- а. Планы борьбы с революционным движением и подготовительные меры.
- б. Вооруженная борьба с восставшим народом¹⁴.

В качестве источников к написанию разделов указаны стенографические протоколы допросов, большинство из которых Блок цитирует в очерке «Последние дни императорской власти». Обращают на себя внимание пункты «а» и «б», соответствующие тематически второй и третьей главе очер-

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 24. Л. 15.

ка. Это один из немногих документов, который свидетельствует о том, что разработку тем «Настроение общества и события накануне переворота» и «Февральские дни» Блок начал еще в рамках своей деятельности по подготовке к отчету Учредительному собранию. Отметим, что эта работа определенно совпала и с личными интересами Блока к событиям февраля 1917 г. Редактируя стенографический отчет С.С. Хабалова, Блок сделал примечательную запись в дневнике: «К ночи — выписка из Хабалова (увлекательное описание дает революции)» [7, с. 222]. Впоследствии показания Хабалова обильно будут цитироваться Блоком в третьей главе.

Проблемным остается вопрос об определении времени самой идеи написания очерка, т. е. перехода Блока от служебного задания к реализации собственных творческих замыслов.

Несмотря на всю сложность общественно-политической обстановки в Петрограде осенью 1917 г., деятельность ЧСК продолжалась: шла работа по редактированию стенографических отчетов, были планы и по завершению работы над отчетом. Последняя сохранившаяся запись, относящаяся к работе над отчетом, — 13 октября в дневнике Блока: «Бесчисленные работы в Чрезвычайной следственной комиссии. Пишу отчет» [7, с. 255]. С сентября по ноябрь Блок регулярно получал повестки с просьбой об окончании взятых на него обязательств. Последнее обращение от 7 ноября содержит просьбу «окончить возложенные <...> работы к 1-му декабря с. г.» [4, с. 85]. В декабре 1917 г. де-факто ЧСК прекратила свою деятельность. Однозначно ответить, были ли к декабрю 1917 г. написаны разделы предполагаемого отчета, закрепленные за Блоком, затруднительно. Нам представляется, что эта работа была начата и в большей степени была проделана поэтом.

Если первая глава очерка была написана преимущественно на основании сведений, содержащихся в стенографических отчетах, которые редактировал Блок и которые по большей части были в его распоряжении (многие отложились в его архиве), то вторая и третья главы написаны преимущественно на основе документов иного характера и в архиве Блока практически не представленных (за исключением выписок из дневника генерала Дубенского¹⁵, дела генерала Иванова¹⁶ и некоторых копий документов, представленных в черновом автографе очерка). Перечень (неполный)

15 См.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 37.

16 См.: Там же. Ед. хр. 32.

документов, легших в основу этих глав, содержится в записях, отложившихся в архиве Блока [2]. Перечислим лишь некоторые. Так, большая часть второй главы «Настроение общества и события накануне переворота» написана на основе докладов начальника Охранного отделения К.И. Глобачева Министру внутренних дел от 23 февраля (№ 5727), 25 фев<аля> (№ 5823), 26 февраля (№ 5865), 27 февраля (№ 5855), а также материалов, содержащихся в следственном деле М.А. Беляева и др. Наиболее объемная третья глава «Переворот», где представлен ход революции, написана по материалам доклада члена ЧСК генерала В.А. Апушкина по делу генерала Н.И. Иванова, показаний петербургского градоначальника А.П. Балка, отложившихся в следственном деле «Об организованной полицией стрельбе из пулеметов в феврале 1917 г. в Петрограде». Основу третьей главы составили также телеграммы, направляемые разными должностными лицами из Петрограда в Ставку Верховного главнокомандования и соответственно телеграммы из Ставки в Петроград.

Большинство этих документов, очевидно, было собрано в период деятельности ЧСК до конца октября 1917 г. Об этом свидетельствуют пометы на некоторых документах. Например, в третьей главе очерка воспроизводится шифрованная телеграмма генерала И.И. Мрозовского, посланная из Москвы в Царское Село. Копия этой телеграммы вклеена непосредственно в ЧА, с примечанием Муравьева: «К отчету Комиссии к свед<ению> А. А. Блока 14 / X-1917»¹⁷.

В другой служебной записке, адресованной Блоку, также относящейся к середине октября 1917 г. (датируется в связи с упоминанием телеграммы Мрозовского), на бланке Комиссии «по составлению Отчета ЧСК», сообщалось следующее: «Редакционная Комиссия препровождает Вам при сем для сведения следующие документы: 1-2) подлинник и копию телеграммы графа Келлера царю 6/III 1917 г. 3) шифрованную телеграмму генерала Мрозовского царю 2/III 1917 г. и 4-6) Шифрованные телеграммы генерал-майора Еремина от 14/V, 3/VIII и 21 /V 1917 г.»¹⁸

Телеграммы генерала Еремина не вошли в очерк, а телеграмма генерала Келлера должна была первоначально войти в Приложение 6, но впоследствии была помещена в финале «Последних дней императорской власти».

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 103.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 27. Л. 6.

В дни октябрьского переворота, по воспоминаниям одного из членов ЧСК полковника С.А. Коренева, в Зимнем дворце состоялось пленарное заседание членов Комиссии, на котором было принято решение «сложить и опечатать весь материал Комиссии в одном из отдельных помещений дворца» [13, с. 31]¹⁹. Дворец был взят под охрану. Работа Комиссии была нарушена, запрашивать копии материалов стало невозможно, в связи с отсутствием доступа к документам. Многие из них оставались на руках у членов ЧСК, и можно было бы предположить, что Блок через личные запросы и после Октябрьской революции собирал какие-то материалы для намеченного очерка. Но это маловероятно, так как следы таких обращений были бы выявлены исследователями. Напротив, в архиве поэта обнаружены записки, свидетельствующие о сдаче Блоком материалов ЧСК на архивное хранение после Октябрьской революции. В одной из них, датированной «18.XI.1917 г.», сказано о передаче писем «В.А. Балашова по поводу Земского и Городского союзов» и «официальной переписки по этому поводу» на хранение в комнату «вещественных доказательств», а в другой (от 22.XI.1917 г.) — о передаче записной книжки А.Д. Протопопова и дел № 358 и 284²⁰. Нет сомнения, что основные материалы, вошедшие в очерк, — а это внушительный объем документов, среди которых и материалы из многотомных следственных дел, — собраны Блоком до Октябрьской революции с лета по конец октября 1917 г., в период стабильной работы ЧСК. Следовательно, вся «деловая часть» очерка, основанная «на подлинных документах», формировалась Блоком еще в рамках подготовки отчета ЧСК Учредительному собранию.

Таким образом, создание очерка «Последние дни императорской власти» было непосредственно связано со служебным заданием, порученным Блоку в ЧСК. Два раздела, которые поэт должен был написать как составные части Отчета ЧСК Учредительному собранию, вошли главным образом в первую главу «Последних дней императорской власти». Раздел отчета «Последние дни старого режима», предполагавший изначально общую характеристику институтов власти и отдельных должностных лиц, значительно усложнился. Согласно обнаруженным в архиве Блока документам, эта работа также предполагала освещение планов по борьбе с «революцион-

19 О дальнейшей судьбе архива ЧСК см.: [5, с. 327–328].

20 ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 27. Л. 16 и 17.

ным движением» и принятие «подготовительных мер», а также освещение февральских событий: «вооруженной борьбы с восставшим народом». Эти темы соответствуют второй и третьей главам очерка. Очевидно, что материалы к ним «добывались» Блоком в рамках подготовки к отчету еще в период стабильной деятельности ЧСК до Октябрьской революции. Большая часть работы, порученной Блоку в рамках подготовки отчета к Учредительному собранию, по всей видимости, была проделана до ноября 1917 г. После Октябрьской революции, как справедливо отмечает Е.В. Иванова, и после прекращения заседаний ЧСК Блок «сохранил высокое представление о задачах отчета Учредительному собранию» [4, с. 85]. В новых политических реалиях, когда вопрос о подготовке отчета уже не стоял, Блок не бросил начатую им работу. Появилась идея очерка, который хотя и начал складываться в рамках служебной деятельности, впоследствии принял вид оригинального, основанного на сугубо документальной основе произведения. Помимо документов, при написании очерка Блок использовал некоторые издания, посвященные февральским событиям, опубликованные к этому времени. Это документальное свидетельство полковника Г.Г. Перетца «В цитадели русской революции: Записки коменданта Таврического дворца 27 февраля — 23 марта 1917» (Пг., 1917) и материалы из сборника «Русская свобода: Документы и заявления, освещающие государственный переворот» (Вып. I. Пг., 1917). Очерк приобрел законченный вид, включающий документальную часть — Приложения. Отметим, что в рамках отчета Приложения не предполагались к отдельным разделам. Документальные материалы, собранные ЧСК, планировалось опубликовать в отдельных томах-спутниках, иллюстрирующих основные положения и выводы итогового документа. В очерке Блок усиливает основную часть повествования уникальными историческими материалами и делает в соответствующих местах отсылки к ним. В ходе работы над «Последними днями императорской власти» Блок отказался от ряда деталей, которые предполагалось включить в порученные ему главы отчета. В то же время некоторые тематические узлы, которые были интересны самому автору, значительно разрослись, выйдя за временные рамки, которыми был ограничен отчет.

Список литературы

Исследования

- 1 Александров А.С. «Я выбрал для пробы главу о Протопопове...»: (Из истории очерка А. Блока «Последние дни императорской власти») // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, № 3. С. 432–451. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451>
- 2 Гончарова Е.И. Александр Блок: опыт историографии Февраля: (по материалам архивных разысканий) // *Литературный факт*. 2025. № 2 (36). С. 191–213. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213>
- 3 Гончарова Е.И. Летописец последних дней императорской власти (А.А. Блок в работе над документами Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // *Русская литература*. 2025. № 1. С. 115–135. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2025-1-115-135>
- 4 Иванова Е.В. Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 608 с.
- 5 Перегудова З.И. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // *Блок А.А. Последние дни императорской власти* / сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 298–365.
- 6 Поливанов О.А. «Сводка событий» А.А. Блока предреволюционных и февральских дней 1917 года // *Блок А.А. Последние дни императорской власти* / сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 366–372.

Источники

- 7 *Блок А.А. Дневник / подгот. текста, вступ. ст., примеч. А.Л. Гришунина. М.: Сов. Россия, 1989. 512 с. (Серия «Русские дневники»).*
- 8 *Блок А.А. Последние дни императорской власти / по неизданным документам составил Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.*
- 9 *Блок А.А. Последние дни императорской власти / сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 624 с.*
- 10 *Блок А.А. Последние дни старого режима // Былое. 1920. № 15. С. 3–50.*
- 11 *Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7: Автобиография. 1915; Дневники. 1901–1921 / подгот. текста и примеч. В.Н. Орлова. 544 с.*
- 12 *Вестник Временного правительства. 1917. № 7. 12 марта. С. 1.*
- 13 *Корнев С.А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 14–33.*
- 14 *Письма Александра Блока к родным / с предисл. и примеч. М.А. Бекетовой: в 2 т. Л.: Academia, 1932. Т. 2. 542, [3] с.*

References

- 1 Aleksandrov, A.S. “‘Ja vybral dlia proby glavu o Protopopove...’: (Iz istorii ocherka A. Bloka ‘Poslednie dni imperatorskoi vlasti’)” [“I Chose the Chapter about Protopopov for a Test...’: (From the History of A. Blok’s Essay ‘The Last Days of Imperial Power’)”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 432–451. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451> (In Russ.)
- 2 Goncharova, E.I. “Aleksandr Blok: opyt istoriografii Fevralia: (po materialam arkhivnykh razyskaniy)” [“Alexander Blok: an Experience of Historiography of February: (Based on Archival Research)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 191–213. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213> (In Russ.)
- 3 Goncharova, E.I. “Letopisets poslednikh dnei imperatorskoi vlasti (A.A. Blok v rabote nad dokumentami Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva)” [“The Chronicler of the Russian Empire’s Last Days (A.A. Blok in His Work on the Documents of the Extraordinary Investigative Commission, Russian Provisional Government)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2025, pp. 115–135. <https://doi.org/10.31860/o131-6095-2025-1-115-135> (In Russ.)
- 4 Ivanova, E.V. *Aleksandr Blok: Poslednie gody zhizni* [Alexander Blok: The Last Years of His Life]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. 608 p. (In Russ.)
- 5 Peregudova, Z.I. “Chrezvychainaia sledstvennaia komissiia dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok” [“The Extraordinary Investigative Commission to Investigate the Illegal Actions of Former Ministers and Other Senior Officials and Alexander Blok”]. Blok, A.A. *Poslednie dni imperatorskoi vlasti* [The Last Days of Imperial Power], comp. by Z.I. Peregudova, S.S. Lesnevskii, comm. by Z.I. Peregudova, O.A. Polivanov. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012, pp. 298–365. (In Russ.)
- 6 Polivanov, O.A. “‘Svodka sobytii’ A.A. Bloka predrevoliutsionnykh i fevral'skikh dnei 1917 goda” [“Summary of Events’ by A.A. Blok of the Pre-Revolutionary and February Days of 1917”]. Blok, A.A. *Poslednie dni imperatorskoi vlasti* [The Last Days of Imperial Power], comp. by Z.I. Peregudova, S.S. Lesnevskii, comm. by Z.I. Peregudova, O.A. Polivanov. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012, pp. 366–372. (In Russ.)